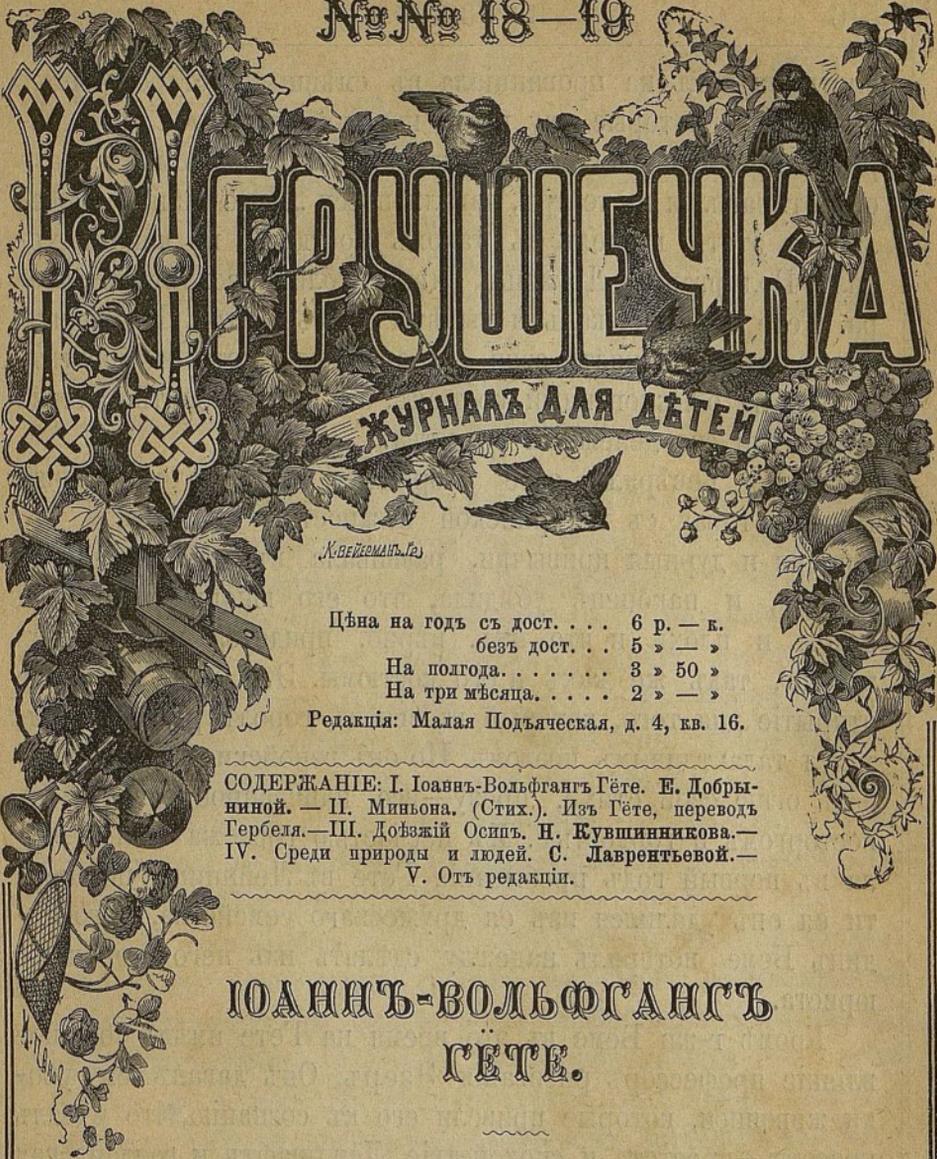

№№ 18—19

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙЕРМАНЪ, Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Іоаннъ-Вольфгангъ Гёте. Е. Добрыниной. — II. Миньона. (Стих.). Изъ Гёте, переводъ Гербеля. — III. Довзжій Осипъ. Н. Кувшинникова. — IV. Среди природы и людей. С. Лаврентьевой. — V. Отъ редакціи.

ІОАННЪ-ВОЛЬФГАНГЪ ГЕТЕ.

ИГРАЮ здѣсь—пишетъ онъ товарищу — видную роль, но не шеголяю этимъ. Въ свободное время бываю въ театрахъ, въ концертахъ, на катаньяхъ и обѣдахъ. Это прелестно! только дорого обходится“. Вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что онъ не играетъ большой роли. Во Франкфуртѣ онъ считался первымъ кавалеромъ, въ изысканномъ же лейпцигскомъ обществѣ на него

смотрѣли какъ на провинціала въ смѣшныхъ старомодныхъ костюмахъ, которые ему шилъ портной отца его. Гёте не рѣдко приходилось сносить даже насмѣшки знакомыхъ. Разъ онъ отправился въ театръ, давали пьесу „Поселянинъ“; поселянинъ этотъ вышелъ въ такомъ костюмѣ, въ какомъ ходилъ Вольфгангъ. Дружный смѣхъ публики встрѣтилъ актера. Гете не выдержалъ и выбѣжалъ изъ театра. На другой день онъ промѣнялъ свои старомодныя, хотя и богатыя, платья на обыкновенный костюмъ, отъ этого понятно сильно потерпѣли его денежные средства.

Гете повѣрялъ свое огорченіе и неудачи госпожѣ Беме, которая съ материнской нѣжностью исправляла его ошибки и дурныя привычки, развивала въ немъ изящныя манеры, и наконецъ убѣдила, что его юношескія работы слабы и плохи и что ихъ, вѣрно, придется принести въ жертву, такъ же какъ и его костюмы. Это было страшное открытіе для того, который въ своемъ городѣ родномъ считался талантливымъ поэтомъ. Но онъ геройски рѣшился предать огню свои стихи, прозу—все написанное когда-то съ восторгомъ и гордостью. Къ несчастью госпожа Беме умерла въ первый годъ пребыванія Гете въ Лейпцигѣ; по смерти ея онъ удалился изъ ея дружескаго семейства, и господинъ Беме потерялъ надежду сдѣлать изъ него хорошаго юриста.

Кромѣ г-жи Беме въ это время на Гете имѣлъ большое вліяніе профессоръ рисованія Эзеръ. Онъ давалъ ему уроки живописи, которые привели его къ сознанію, что идеаль красоты—простота и спокойствіе. Ландшафтъ и голландская школа возбуждали въ Гете восторгъ. Итальянской живописи онъ мало сочувствовалъ. Онъ не умѣлъ навязывать себѣ чувствъ, которыхъ не имѣлъ. Кромѣ рисованія Гете учился гравировать и послалъ отцу въ подарокъ два ландшафта, гравированные имъ на мѣди.

Безпорядочная жизнь, дурная пища, излишнее употребленіе пива и кофе, и проба осуществить теоріи Руссо раз-

строили здоровье Гете, поэтому онъ долженъ былъ оставить Лейпцигъ и ѣхать на родину.

Отецъ принялъ его сухо и холодно, мать и сестра были тронуты его болѣзненнымъ видомъ, приняли его привѣтливо и тотчасъ была подана ему медицинская помощь. Онъ былъ спасенъ, но выздоровленіе продолжалось медленно, лечение было тяжело и трудно. Больной, не выходя изъ дома, сокращалъ время чтеніемъ, рисованьемъ и гравированьемъ. Наступила теплая весна — здоровье Гете поправилось; тогда отецъ, настаивавшій постоянно на его юридическихъ занятіяхъ, отправилъ его въ Страсбургъ.

Гете было тогда 20 лѣтъ, онъ отличался такой красотой, что куда бы ни являлся, на него обращалось общее вниманіе. Лучшіе портреты его и бюсты даютъ о немъ только слабое понятіе; черты лица его не передаютъ жизни, игравшей въ его лицѣ, напоминая изящную красоту линій греческой скульптуры. Лобъ у него былъ высокій, большіе, блестящіе, черные глаза удивительной красоты; носъ съ небольшимъ горбомъ, изящный ротъ съ выдавшеюся впередъ верхней губой, что придавало ему особенную выразительность, — впрочемъ никакое описаніе не можетъ дать полнаго понятія о его наружности.

Какъ только онъ пріѣхалъ въ Страсбургъ, сей часъ же отправился осматривать соборъ. Красивое, величественное зданіе произвело на него сильное впечатлѣніе. На одной изъ колоколенъ собора и теперь можно видѣть имя Гете, написанное его рукой. Въ тѣни страсбургскаго собора онъ чувствовалъ себя охваченнымъ германскимъ энтузіазмомъ. Часто съ товарищами онъ взбирался на галерею собора и тамъ, съ стаканомъ рейнвейна въ рукахъ, они провожали закатающееся солнце.

Вскорѣ послѣ пріѣзда Гете въ Страсбургъ, случилось событіе, которое взволновало весь городъ и доставило ему возможность видѣть въ первый разъ картины Рафаэля. Марія-Антуанетта, невѣста французскаго дофина Людовика

XVI, должна была проѣзжать черезъ Страсбургъ попути въ Парижъ. На небольшомъ островѣ на Рейнѣ, построено было для ея приѣма зданіе, въ которомъ боковыя комнаты были украшены коврами, сдѣланными по Рафаэлевымъ картинамъ. Эти ковры привели Гете въ восторгъ, и онъ негодовалъ что они были помѣщены на второмъ планѣ, а въ главной залѣ были разосланы ковры рисунковъ новѣйшихъ французскихъ художниковъ. На этихъ коврахъ изображалась исторія Язона, Медеи, Креузы, т. е. исторія самаго злополучнаго брака. Налѣво отъ трона невѣста боролась съ страшной смертью, окруженная плачущими фигурами, направо стоялъ отецъ пораженный ужасомъ, у его ногъ лежали умершвленные его дѣти, и фурія неслась въ колесницѣ запряженной драконами. „Можно ли, говорилъ Гете, на глаза юной дофины, при ея вступленіи въ свои новыя владѣнія, выставить изображенія самаго ужаснѣйшаго брака: это возбуждаетъ страшное предчувствіе“.

Эти изображенія были точно предвѣстія будущей судьбы Маріи-Антуанетты. Никто не могъ предчувствовать ея; могла ли и пятнадцати-лѣтняя дѣвушка веселая, счастливая, вызывавшая крики восторга красотой и граціей, могла ли она, совершая путь, по дорогѣ усыянной цвѣтами, украшенной триумфальными арками, привѣтствуемая толпами дѣвусекъ съ вѣнками и букетами и поселянами бросившими свои сохи, чтобы взглянуть на будущую королеву, могла ли она усумниться въ своемъ счастьѣ при видѣ картины изображающей несчаствіе?

Гете, будучи уже старикомъ, говорилъ— „живо помню величественную, очаровательную наружность юной дофины. Ее хорошо было видно сквозь стекла кареты, она весело разговаривала съ сопровождавшими ее дамами. Вслѣдъ за извѣстіемъ о ея благополучномъ прибытіи въ Парижъ, пришла страшная вѣсть о гибели множества людей во время фейерверка, устроеннаго въ честь ея приѣзда? При этомъ страшномъ извѣстіи Гете пришли на мысль зловѣщія картины.“

V.

Гердеръ. Фредерика.

Когда въ Страсбургѣ все пришло въ обычный порядокъ, Гете весь отдался чтенію. Онъ читалъ Гомера по гречески, дѣлалъ выписки изъ Руссо, Волтера, Бруно, Байля, въ его памятной книжкѣ замѣчено „Богъ единое существо, которое въ себѣ все заключаетъ“. Кромѣ того онъ изучалъ анатомію, химію, электричество только что открытое Франклиномъ—и весь погружался въ средніе вѣка. Онъ читалъ біографію Геца фонъ-Берлихенгена съ такимъ увлеченіемъ, что у него родилась мысль воспроизвести его въ драмѣ. Съ этого же времени у него родилась мысль и о Фаустѣ. Онъ самъ такъ же какъ и Фаустъ обошелъ весь кругъ знаній и ни чѣмъ неудовлетворился. Въ Страсбургѣ Гете познакомился и подружился съ Гердеромъ, хотя Гердеръ былъ пятью годами старше его, и очаровался его сильнымъ, разнообразнымъ умомъ, это особенно ярко выразилось въ сферѣ поэзіи. Гердеръ научилъ Гете смотрѣть на библію, какъ на продуктъ поэзіи народнаго духа. Отъ еврейскаго народа они перешли къ Гомеру и Оссіану. Кромѣ этихъ великихъ поэтовъ, Гердеръ научилъ его цѣнить Ваксфильдскаго священника *), котораго образъ въ высокой простотѣ своей передъ нимъ ожилъ въ лицѣ пастора, жившаго въ шестнадцати миляхъ отъ Страсбурга, близъ Друзенгейма, съ женой и двумя дочерьми, изъ которыхъ младшая была та Фредерика, идеальный образъ которой знакомъ каждому кто читалъ Гете. Эта Фредерика была свѣтлое, чудное видѣніе Гете—юноши. Несмотря на сердечныя увлеченія, Гете посѣщалъ гулянья, клубы, гдѣ друзья собирались читать, разговаривать, а иногда и танцовать. Чаше же всего онъ про-

водилъ время съ Гердеромъ — который тогда страдалъ глазами и выдержалъ трудную операцію. Гете по два раза въ день навѣщалъ его, съ любовію за нимъ ухаживалъ и терпѣливо переносилъ его раздражительность, слѣдствіе которой во время болѣзни Гердера не разъ пришлось испытывать на себѣ Гете. Къ счастью такое настроеніе духа у Гердера быстро исчезало, и они снова занимались вмѣстѣ литературою и философіею. Отецъ Гете постоянно писалъ ему и напоминалъ о его юридическихъ занятіяхъ. Исполняя желаніе отца, онъ написалъ диссертацию на латинскомъ языкѣ. Диссертация была удачна, и 6-го августа 1771 года Гете получилъ званіе доктора правъ.

VI.

Возвращеніе на родину.

Черезъ двѣ недѣли послѣ по полученіи степени доктора Гете оставилъ Страсбургъ. Проѣзжая черезъ Мангеймъ, онъ въ первый разъ видѣлъ гипсовые слѣпки съ произведеній древности, и несмотря на свое пристрастіе къ готизму, былъ пораженъ красотой древняго искусства, особенно группою Лаокоона. Когда Гете возвратился въ родительскій домъ, то старый совѣтникъ съ гордостью смотрѣлъ на молодаго доктора, только часто качалъ головою, слыша новыя, странныя, по его мнѣнію, понятія сына. Онъ собралъ въ одну тетрадь всѣ стихи сына, которые тотъ иногда пописывалъ, и хотѣлъ даже издать ихъ, но молодой авторъ не согласился на это. Вмѣсто мелкихъ стихотвореній онъ съ жаркимъ рвеніемъ принялся за свою большую драму „Гецъ-фонъ-Берлихенгенъ“. Написавши нѣсколько сценъ, читалъ ихъ сестрѣ своей и нѣкоторымъ изъ друзей и этимъ удовлетворялся. Вообще молодые писатели спѣшатъ печатать свои произведенія, Гете напротивъ, повидимому, главное наслажденіе находилъ въ

творчествѣ—въ процессѣ умственной работы, а не въ печатаніи своихъ твореній. Прежде чѣмъ онъ кончалъ свое сочиненіе, у него нерѣдко пропадалъ интересъ, отъ этого есть много неоконченныхъ произведеній.

Въ это время Гете искалъ себѣ работы, которая вполнѣ бы поглотила его, онъ чувствовалъ, что только въ этомъ найдеть успокоеніе отъ разныхъ мыслей мучившихъ его, потому часто уходилъ въ горы, въ лѣсъ гдѣ подъ открытымъ небомъ и успокоивался. Во время своихъ странствій онъ пѣлъ гимны, и съ другомъ своимъ Гердеромъ переписывался; послѣдній любилъ въ своихъ письмахъ за дѣвать шутя дурныя стороны характера Гете. „Я не обижался, говорить Гете, его шутками, напротивъ старался исправить то, надъ чѣмъ онъ смѣялся“. Близкимъ лицомъ къ Гете былъ въ это время Меркъ, человекъ умный, образованный, знакомый со всѣми знаменитостями своего времени, въ томъ числѣ и съ Гердеромъ, дружбой котораго очень дорожилъ. Меркъ былъ восемью годами старше Гете, но обращался съ нимъ какъ съ другомъ и сильно вліялъ на его литературную дѣятельность.

По желанію отца молодой докторъ продолжалъ заниматься и юриспруденціей. Несмотря на это, у него хватало времени на упражненіе въ верховой ѣздѣ, фехтованіи и на его любимое удовольствіе—катанье на конькахъ. Онъ до того пристрастился къ послѣднему, что нерѣдко поздняя ночь заставляла его на льду. „Когда луна, выглядывая изъ-за облаковъ, освѣщала передо мной обширную ледяную равнину и я быстро несся на этой равнинѣ, въ лицо мнѣ дулъ холодный вѣтеръ, ледъ осѣдалъ и трещалъ,—я въ эти минуты какъ будто переносился въ оссіановскій міръ“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, мать Гете описываетъ какъ онъ разъ пригласилъ ее отправиться съ нимъ на Майнъ: „Я согласилась, надѣла свою пунцовую шубу съ длиннымъ шлейфомъ и съ золотой пряжкой. Когда я подъѣхала къ рѣкѣ, мой сынъ летѣлъ ужъ какъ стрѣла между другими. Его щѣки

раскраснѣлись отъ мороза; съ черныхъ волосъ ссыпалась пудра. Какъ только онъ увидалъ меня, сейчасъ подкатилъ къ моей каретѣ и весело сказалъ: „Матушка, тебѣ не холодно, пожалуйста дай мнѣ твою бархатную шубу“.

„Зачѣмъ? вѣдь ты ее не надѣнешь?“

„Понятно, надѣну!“

„Я сняла свою теплую шубу, онъ надѣлъ ее, перебросивъ черезъ плечо и помчался по льду. Красивѣе этого я ничего на свѣтѣ не видѣла. Всю жизнь буду я помнить, какъ онъ влеталъ подъ арку моста, и быстро вылетѣвши изъ подъ нея, неся дальше; вѣтеръ развѣвалъ его волосы и влекъ за нимъ шлейфъ шубы. Зрители отъ восторга хлопали въ ладоши“.

VII.

Венцларъ.

Гете пріѣхалъ въ Венцларъ съ Гецомъ въ портфель, который считается родоначальникомъ стремлений, породившихъ романтическую школу. Литературныя занятія не мѣшали ему по пріѣздѣ въ Венцларъ начать свою судебную практику и вмѣстѣ съ этимъ сблизиться съ ученымъ кружкомъ. Въ первое время онъ ближе всѣхъ подружился съ поэтомъ Геттерномъ, вмѣстѣ съ нимъ перевелъ романъ Гольдшмита „Desertet Village“ и помѣстилъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній въ Бойскомъ альманахѣ.

По предложенію Геттерна, Гете былъ принятъ въ такъ называемый геттернскій кружокъ, состоявшій изъ поэтовъ и знаменитыхъ ученыхъ. Въ этомъ кружкѣ онъ сблизился съ однимъ изъ его членовъ Кестнеромъ, съ которымъ впоследствии велъ большую переписку. Переписка эта послужила источникомъ для его біографіи. Изъ писемъ Кестнера видно каковъ былъ Гете въ это время. „Я хотѣлъ бы описать его, говоритъ Кестнеръ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, но на это надобно пропасть времени, такъ много есть что

сказать о немъ. Словомъ, это въ высшей степенѣ замѣчательный человѣкъ“. Это былъ тотъ періодъ времени, когда повсемѣстно чувствовалась близость французской революціи; оно отозвалось въ Германіи въ аудиторіяхъ и литературѣ—въ родѣ литературно-философскаго возстанія подъ предводительствомъ: Канта, Гердера, Лессинга, Клопштока и Гете. Но несмотря на философско-литературныя занятія Гете посѣщаль и общество. Между прочими домами, Кестнеръ познакомилъ его съ семействомъ своей невѣсты Шарлотты—прелестной, простой, высоконравственной дѣвушки. Гете взялъ ее образцомъ Лотты въ свой романъ „Страданья молодого Вертера“. Въ лицѣ Вертера онъ выразилъ частію то, что самъ чувствовалъ; въ Кестнерѣ олицетворилъ спокойнаго Альберта, жениха Лотты, а образцомъ Вертера послужилъ ему одинъ кроткій, задумчивый, красивый юноша Эрузалемъ, который вслѣдствіи своей несчастной любви застрѣлился. Впечатлѣніе, произведенное „Гецемъ“ и „Вертеромъ“, котораго онъ написалъ въ четыре недѣли, было громадно и надѣлало пропасть шума.

Осенью 1772 года, Гете оставилъ Венцларъ и въ сопровожденіи Мерка отправился путешествовать по Рейну. Изъ этого путешествія онъ вернулся опять во Франкфуртъ, чтобы продолжать свою судебную практику; но его не покидала мысль, что онъ рожденъ для искусства, постоянно рисоваль пейзажи и былъ гораздо довольнѣе своимъ рисованьемъ, нежели литературными успѣхами.

Въ эту осень сестра Вольфганга вышла замужъ за Шлосера и уѣхала изъ Франкфурта. Разлука съ ней до того огорчала его, что онъ чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ. Ей первой читаль онъ свои сочиненія; для нее переводилъ классиковъ, которыхъ она не могла читать въ подлинникахъ, и временами сильно падалъ духомъ, затѣмъ слѣдовало страшное возбужденіе. „Чудная веселость низопла мнѣ въ душу, писалъ онъ, свѣтлая какъ весеннее утро, которымъ я наслаждаюсь. Я одинокъ и счастливъ своимъ

одинокествомъ. Эти мѣста какъ бы нарочно созданы для душъ какъ моя. Я такъ счастливъ и до такой степени всецѣло погружаюсь въ чувство невозмутимо спокойнаго наслажденія бытіемъ, что даже мои занятія отъ этого страдаютъ. Не могу рисовать, не могу карандаша взять въ руки, а между тѣмъ чувствую, что никогда не былъ въ такой степени художникъ, какъ теперъ!“

Богъ знаетъ до какого состоянія довело бы Гете такое настроеніе духа. Къ счастью, на слѣдующую зиму во Франкфуртъ съѣхалось много знаменитыхъ людей, въ ихъ числѣ: Лафатеръ, Якоби, Базедовъ. Всѣ они были дружески приняты въ домѣ Гете.

„Меня радуетъ, что ко мнѣ стекаются знаменитости нашей родины“, писалъ Вольфгангъ сестрѣ своей.

Мать Гете, любившая чтобы въ ея домѣ, кромѣ ученыхъ людей, собирались молодя дѣвушки и молодые люди, какъ было при ея дочери Корнеліи, не измѣнила образа жизни по отъѣздѣ ея. Каждую субботу подружки Корнеліи и товарищи Вольфганга собирались у нихъ—играли въ разныя игры, танцевали или читали. Однажды Вольфгангъ принесъ „Клавиго Бомарше“ и прочелъ гостямъ. Когда онъ кончилъ, дѣвушка сидѣвшая подлѣ него, шутя сказала: „если бы я имѣла право приказывать, то велѣла бы вамъ написать театральную піесу.“—Желаніе ваше будетъ исполнено, отвѣчалъ Вольфгангъ, и пригласилъ всѣхъ на слѣдующую субботу слушать чтеніе его новой піесы. Въ продолженіи восьми дней онъ не выходилъ изъ своей комнаты и въ это время написалъ своего „Клавиго“. Когда наступило лѣто, вся молодая компанія отправлялась за городъ—въ деревни, въ горы, въ лѣсъ—и тамъ подъ тѣнью рошей проводила самые свѣтлые дни.

VIII.

Веймаръ.

Въ январѣ 1774 года герцогъ Саксенъ-Вермарскій былъ проѣздомъ во Франкфуртъ со своими двумя сыновьями и позна-

комился съ Гете. Это имѣло вліяніе на всю послѣдующую жизнь Вольфганга. Когда въ слѣдующемъ году—старшій сынъ герцога Карль-Августъ принялъ правленіе, то пригласилъ Гете въ Веймаръ, гдѣ уже находился Виландъ; вскорѣ переселился туда и Гердеръ, а въ 1789 году переѣхалъ въ Веймаръ изъ Іены и Шиллеръ.

Такимъ образомъ маленькій Веймаръ вмѣстилъ въ себѣ четырехъ благороднѣйшихъ представителей нѣмецкаго генія—и герцогъ Карль Веймарскій, какъ участникъ лучшихъ стремленій націи, сталъ въ числѣ государей, на которыхъ отрадно отдыхаютъ взоры народовъ.

Гете явился въ Веймаръ 7 ноября 1785 года, не думая, что онъ уже никогда не возвратится во Франкфуртъ.

Веймаръ—городъ древній, расположенъ въ долинѣ при небольшой рѣчкѣ Ильмѣ, вытекающей изъ тюрингенскихъ лѣсовъ. Рѣчка эта такъ мелка, что по ней могутъ плавать только утки, а во время дождей она выходитъ изъ береговъ.

На первый взглядъ Веймаръ походилъ скорѣе на село, окруженное лѣсомъ, чѣмъ на столицу. Это былъ городокъ тихій, съ древними постройками. Улицы города были спокойныя, скромныя, по которымъ сновали такіе же скромные обыватели. Въ Веймарѣ въ то время находилось не болѣе семисотъ домовъ и до тысячи жителей. Не было ни шоссе, ни верстовыхъ столбовъ, а объ освѣщеніи ночью фонарями никто и не мечталъ; кому приходилось идти ночью по неровной мостовой, тотъ долженъ былъ запасаться фонаремъ. Средства герцога были такъ ограниченны, что онъ принужденъ бывалъ иногда продавать свои драгоценности, чтобы помогать нуждавшимся. Въ добавокъ передъ пріѣздомъ Гете сгорѣлъ герцогскій дворецъ и весь дворъ помѣщался въ такъ называемомъ герцогскомъ домѣ.

Веймаръ сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ Гете.

„Я здѣсь живу“ говорилъ онъ въ старости. „Гдѣ только не перебывалъ я въ 50 лѣтъ, всегда съ наслажденіемъ возвращался въ Веймаръ“.

Изъ писемъ Гете и другихъ этой эпохи, видно, что въ Веймарѣ время проводили довольно шумно. Главными поприщами увеселеній были деревня Штюпербахъ и охотничій замокъ Эттерсбургъ. Охота, танцы, комедіи, студенческая стрѣльба смѣнялись одни другими. Веймаръ сталъ новыми Аѳинами, мѣстомъ поклоненія нѣмецкихъ геніевъ.

Центромъ всѣхъ, постоянно жившихъ въ Веймарѣ знаменитостей и посѣщавшихъ его, была вдовствующая герцогиня Анна-Амалия Саксенъ-Веймарская, мать владѣтельнаго герцога — образецъ истинно царскаго величія, исполненная простоты, благородства и любезности въ обращеніи, покровительница наукъ и искусствъ. Она проводила время въ кругу замѣчательныхъ по уму мужчинъ и женщинъ. Съ умомъ она соединяла большую терпимость, это сближало всѣ разнородные элементы двора.

Карль-Августъ былъ постояннымъ товарищемъ Гете, и несмотря на то, что восемью годами былъ моложе его, такъ привязался къ нему, что сдѣлался участникомъ какъ его шалостей и продѣлокъ, такъ и его трудовъ. Всякая церемонность между ними была отложена въ сторону, они вмѣстѣ обѣдали, часто спали въ одной комнатѣ, говорили другъ другу — ты. „Гете никогда не уѣдетъ отсюда (писалъ Виландъ), Карль-Августъ не можетъ безъ него никуда, ни въ бродъ, ни въ воду“. Различія между твоимъ и моимъ для нихъ почти не существовало, платки и жилеты переходили отъ одного къ другому и никогда не возвращались.

Но поэтическая натура Гете скоро утомилась подобной жизнью. Балы, маскарады, катанье на конькахъ, охота, попойки, игра въ кости—все это, наполнявшее два мѣсяца жизнь его, надоѣло ему, онъ усталъ. Въ немъ сказалась потребность другой, болѣе простой жизни, которою онъ прежде жилъ,—потребность общества болѣе простыхъ людей, наслажденіе природой и онъ уѣхалъ на время въ Вальдекъ.

Герцогъ скучалъ по немъ, звалъ его скорѣе въ Вей-

марь, и Гете вернулся. Дружба между ними крѣпла съ каждымъ годомъ. У обоихъ были высокія стремленія, оба были одарены сильной волей и часто проводили вмѣстѣ дни за серьезнымъ трудомъ. Лѣто герцогъ и дворъ жили въ Бельведерскомъ дворцѣ, который соединялся съ Веймаромъ каштановой аллеей. Черезъ паркъ Бельведерскаго дворца, течетъ рукавъ Ильма; тѣнистыя дороги соединяютъ его съ прелестными окрестностями; въ шести миляхъ отъ него находится Эттерсбургъ съ дворцомъ, паркомъ, лѣсами; немного далѣе Йена въ очаровательной долинѣ, прославленная громкими именами. Йена была для науки то, что Веймаръ для поэзіи. Въ йенскомъ университетѣ профессорами были: Шеллингъ, Фихте, Гуфеландъ, Окемъ, Шлегель, Гумбольдтъ и друг. Не подалеку отъ Йены шли тюрингенскіе лѣса.

Образъ жизни того времени былъ очень простъ, меблировка даже въ богатыхъ домахъ была изъ ели, красное дерево появилось позднѣе, зеркала еще позднѣе, ковры только что начали входить какъ роскошь.

Нравы были такъ же грубы и просты, какъ и образъ жизни. Слуги обѣдали за однимъ столомъ съ господами и участвовали въ ихъ грубыхъ забавахъ. Власть родительская поддерживалась строго, а надъ женщиной тяготѣлъ произволь отца, мужа, брата и самое общество стѣсняло ее многими условіями.

Въ 1776 году, въ день рожденія Гете герцогъ сдѣлалъ его тайнымъ совѣтникомъ посольства и членомъ тайнаго совѣта, съ жалованьемъ 1,200 талеровъ.

Это возбудило въ обществѣ ропоть и протестъ; герцогъ отвѣчалъ на него слѣдующее: „всегда буду выбирать на мѣста близкія ко мнѣ тѣхъ, которые заслуживаютъ мое довѣріе и важны для блага моего народа“.

Рука объ руку съ государственными дѣлами продолжали идти и удовольствія. Любимымъ развлеченіемъ былъ театръ.

Веймарскій театръ сгорѣлъ въ 1774 году вмѣстѣ съ дворцомъ, построить новый въ скорости не хватало средствъ, его замѣняли любительскимъ театромъ. Актеры были: самъ герцогъ, герцогиня Амалия, Гете и многіе другіе. Представленія давались въ помѣщеніяхъ дворца или просто въ паркѣ, въ лѣсу. Театральная сцена устраивалась скоро—въ хорошую погоду подь открытымъ небомъ, декораціями служили деревья, ручьи, луна. „Ифигенія въ Тавридѣ“—Гете въ первый разъ была представлена на такой сценѣ. Въ Эттерсбургѣ представлялась опера „Цыгане“ съ такой дивной обстановкой, что доводила очарованіе до дѣйствительности. Въ эту оперу были введены сцены изъ Геца-Берлихенгена. Освѣщенные деревья, группы цыганъ въ лѣсу, танцы, пѣсни подь голубымъ звѣзднымъ небомъ, отдаленные звуки охотничьихъ роговъ—все это составляло волшебную картину. Гдѣ Ильма дѣлаетъ поворотъ, тутъ давались пѣсы: рыбаки, русалки, водяные духи, деревья, кустарники, камыши, мѣсяцъ, звѣзды, все было чрезвычайно эффектно. Послѣ представленія шель веселый ужинъ, часто оживленный пѣснями, возвращались въ городъ въ сопровожденіи гусарь, освѣщавшихъ путь факелами.

Кромѣ театра вечерами катались на конькахъ и танцевали. Утрами бывала охота на кабановъ, а въ полдень собирався совѣтъ министровъ и шли серьезныя занятія.

Такъ проходили первые годы жизни Гете въ Веймарѣ.

Наконецъ для него наступилъ разсвѣтъ новой жизни. Цѣли и стремленія стали выясняться и опредѣляться. Ему пошелъ тридцатый годъ. Въ началѣ 1779 года, въ день рожденія Гете, герцогъ сдѣлалъ его тайнымъ совѣтникомъ за усердную службу. Управляя военнымъ департаментомъ, онъ постоянно объѣзжалъ страну и старался облегчить и улучшить положеніе народа.

Въ началѣ осени герцогъ вмѣстѣ съ Гете отправился въ Швейцарію подь строгимъ инкогнито, безъ блеска, на мѣщанскій ладъ, съ небольшимъ чемоданомъ и однимъ слугою.

Дорога лежала через Франкфуртъ, путешественники остановились въ старомъ домѣ, на Гиршграбенѣ. Старикъ Гете до крайности обрадовался, увидавъ сына и высокаго гостя и гордился этимъ посѣщеніемъ. Мать была внѣ себя отъ восторга. Они провели четыре дня у стариковъ.

Гете заранѣе предупредилъ о ихъ пріѣздѣ свою мать. „Герцогу, писалъ онъ, надобна комната, постель, онъ спитъ всегда на сѣнномъ мѣшкѣ, покрытомъ чистой простыней. Обѣдъ приготовьте мѣщанскій: изъ четырехъ блюдъ—самыхъ простыхъ. Главное никому не слова, такъ какъ и здѣсь никто объ этомъ не знаетъ. Въ Штутгартѣ они присутствовали на празднествѣ въ военной академіи—здѣсь двадцатилѣтній Шиллеръ, у котораго въ головѣ были уже разбойники, увидалъ въ первый разъ автора Геца и Вертера. Съ сердцемъ замирающимъ отъ восторга, смотрѣлъ онъ на своего любимаго автора, а Гете и не подозрѣвалъ, что между этими стройными юношами стоитъ тотъ, который станетъ на ряду съ нимъ и назовется его другомъ.

Возвращаясь изъ Швейцаріи черезъ Франкфуртъ, герцогъ опять остановился въ домѣ Гете, а 12-го января вернулся въ Веймаръ.

И герцогъ и Гете въ это время много измѣнились въ свою пользу и все болѣе и болѣе пріобрѣтали общее довѣріе. Возвратившись въ Веймаръ, Гете съ страстью предался занятію естественными науками. Главнымъ трудомъ его по ботаникѣ была „Метаморфоза растений“. Въ это время онъ началъ писать „Тасса“, и продолжалъ „Вильгельма Мейстера“, сверхъ большихъ произведеній онъ написалъ много и мелкихъ, но ничего не печаталъ. Публика занята была только что появившимися „Разбойниками“ Шиллера.

Отношенія Гете къ герцогу становились правильнѣе, онъ обращался съ нимъ серьезнѣй и почтительнѣй и все болѣе и болѣе погружался въ серьезные труды.

Для поправленія своего здоровья Гете ѣздилъ въ Гарцъ.

Поѣздка въ Гарцскія горы увѣковѣчилась его извѣстнымъ стихотвореніемъ „Зимняя поѣздка въ Гарцъ“. Несмотря на холодъ, писалъ Гете, несмотря на грязь и снѣгъ, я верхомъ на лошади, съ чемоданомъ за сѣдломъ, одинъ, одиухонекъ отправился на высоты. Въ часъ пополудни я стоялъ на Брокенѣ, облитой лучами солнца, на слоѣ снѣга въ полтора аршина [толщины и смотрѣлъ на все окрестности.“

Е. Добрынина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МИНЬОНА.

(Изъ Гёте, пер. Н. Гербеля).

Ты знаешь ли тотъ край, гдѣ рдѣть померанецъ,
Гдѣ золотить лимонъ зари живой румянецъ,
Гдѣ вѣетъ тишиной съ безоблачныхъ небесъ,
Гдѣ мирта высока и тихъ лавровый лѣсъ?
Ты знаешь ли его?

Туда, мой другъ, туда

Хотѣла бѣ я съ тобой умчаться навсегда!

Ты знаешь ли чертогъ? Нависнуль надъ столпами
Узорный потолокъ;.. сіяетъ заль огнями;..

Портреты мнѣ въ глаза такъ пристально глядятъ:

„Что сталося съ тобой, бѣдняжка?“ говорятъ,

Ты знаешь ли его?

Туда, родной, туда

Хотѣла бѣ я съ тобой умчаться навсегда!

Ты знаешь ли скалу съ подоблачной стезею?

Чело ея звучить подѣ кованной пятою,

Въ разсѣлинѣ глухой гнѣздится старый змѣй;

Внизу реветъ потокъ, гремя среди камней.

Ты знаешь ли ее?

Туда, отецъ, туда

Хотѣла бѣ я съ тобой умчаться навсегда!

МИНЬОНА.

ДОЪЗЖІЙ ОСИПЪ.

(Разсказъ).

III.

РОСЪБА о дозволеніи мнѣ ѣхать съ Осипомъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ съ условіемъ, чтобы я одѣлся потеплѣе.

Въ какихъ восторженныхъ мечтахъ рисовалась мнѣ предстоящая поѣздка. Сумерки, тишина густаго лѣса, вой волковъ — все это мнѣ казалось такимъ привлекательнымъ, что я ждалъ не дождался, пока золотистое солнце, коснувшись края западнаго горизонта и бросивъ высоко въ небо цѣлые снопы золотистыхъ лучей, медленно станеть скрываться, отбрасывая тѣни отъ предметовъ все длиннѣе и длиннѣе. Заигравъ, наконецъ, прощальнымъ огонькомъ на золотомъ крестѣ деревенской церкви, оно потонуло за дальней окраиной лѣса. Вся природа приняла мягкій, сѣроватый цвѣтъ спустившихся сумерокъ.

Надѣвъ ботфорты и поддевку, на бѣлыхъ мерлушкахъ, которую подпоясалъ, для большей важности, ременнымъ поясомъ, я побѣжалъ къ Осипу.

Осипъ въ томъ же костюмѣ, въ какомъ былъ по утру, но съ кинжаломъ за поясомъ и съ арапникомъ въ рукахъ, стоялъ возлѣ длиннаго, большаго корыта и кормилъ свою стаю.

— Осипъ, я готовъ, кажется пора, сказалъ я, постоявъ молчаливо около него.

— Си-часъ, баринъ, си-часъ... пусть собачки доѣдятъ и поѣденте, отвѣтилъ онъ, какъ бы только теперь замѣтивъ мое присутствіе. Сенька, крикнулъ онъ выжлятнику, что Лысаго запрегъ?

— Запрегъ, Осипъ Павловичъ, запрегъ, слышался голосъ Сеньки изъ сарая, хвостъ... только... подвязать...

Собаки, съѣвъ всю овсянку и на чисто вылизавъ корыто, разбрелись по двору и, свернувшись въ клубочекъ, заснули.

Осипъ самъ сполоснулъ корыто чистою водою, перевернулъ его вверхъ дномъ и, отдавъ кой-какія приказанія выжлятникамъ, повелъ меня къ бѣговымъ дрожкамъ, стоявшимъ около воротъ, и попросилъ садиться.

Я поспѣшно сѣлъ къ переднему щетку дрожекъ, а онъ помѣстился за мной. Ворота со скрипомъ отворились; выѣхавъ изъ нихъ, мы повернули направо и бойкой рысью поѣхали по деревенской улицѣ.

Сумракъ наступающей ночи ложился на землю, дѣлая всѣ дальніе предметы неясными, туманными. Хаты, ворота, амбары казались какими-то неопредѣленными пятнами. На улицѣ было тихо и безлюдно. Черезъ маленькія, тусклыя стекла хатъ робко кой-гдѣ мерцали огоньки. Въ воздухѣ пахло дымомъ. Двѣ косматыя собаки, выскочивъ изъ-подъ амбара, бѣжали рядомъ съ нами и неистово лаяли; проконвоировавъ насъ не особенно далеко, онѣ, ворча, побѣжали назадъ. Слышавшійся визгъ отворявшихся воротъ, удары топора, невнятные отдаленные голоса, унылое мычанье коро-

вы, всѣ эти отрывистые звуки нарушали ту тишину, которая снисходитъ на деревню, послѣ заката солнца.

Миновавъ длинный рядъ хатъ, вырисовывавшихся на свѣтломъ еще западномъ небосклонѣ, мы выѣхали въ поле.

Вечерній осенній воздухъ былъ свѣжъ и пріятно билъ въ лицо; въ мерлушковой поддевкѣ только было въ пору. Темно-синій сводъ неба, слегка бѣловатый на западѣ, всюду былъ усеянъ маленькими и большими звѣздочками, ярко блестящими то покойными, то мерцающими огоньками. Стукъ бѣжавшихъ дробежъ, да повременамъ фырканье Лысаго только и нарушали ту безпредѣльную тишину, которая царствуетъ осенью въ открытомъ полѣ. Такъ всюду тихо, ажъ жутко становится. Не кому нарушить ее. Грачи, галки, эти всегдашніе осенніе гости полей, спятъ по лѣсамъ; высокій рослый хлѣбъ давно уже скошенъ и свезенъ; остались поля голыя и безлюдныя; не за что зацѣпиться легкому вѣтерку и тихонько зашумѣть; развѣ встрѣтится небольшой бурьянокъ или корявый кустарникъ, съ пожелтѣвшими листьями; тихо, робко зашумитъ по нимъ вѣтерокъ.

Спустившись въ лощину, на днѣ которой узенькой ленточкой бѣжала заросшая рѣченка, вся скрытая поднимающимся паромъ, Осипъ остановилъ лошадь и, подавъ мнѣ возжи, проговорилъ веселымъ голосомъ:

— Натѣ, баринъ... подержите... я пока трубочку раскурю...
Смерть какъ хочется...

Я взялъ возжи, а онъ началъ набивать трубку.

Въ воздухѣ пахло сыростью, водой, слышалось мѣрное журчанье бѣжавшей рѣченки, да стукъ кресала, которымъ Осипъ старался выкесать огня.

Доставъ огня, онъ закурилъ трубку, при чемъ обдалъ меня цѣлымъ облакомъ дыма; запахъ махорки на чистомъ воздухѣ былъ довольно пріятенъ.

Мы переѣхали мостикъ, переброшенный черезъ рѣку, и поѣхали рысью. Доски моста напоминали клавиши фортепіано.

Я сидѣлъ покойно и, молча вглядываясь въ темноту, внимательно слушалъ Осипа.

Осипъ, восторженно настроенный этой поѣздкой, былъ разговорчивъ, что съ нимъ случалось чрезвычайно рѣдко. Воспользовавшись его словоохотливостью, я предложилъ ему вопросъ, который давно меня интересовалъ.

— Осипъ, когда это ты выучился по волчьи выть? — робко спросилъ я.

Онъ не сразу отвѣтилъ, пыхтя своей трубочкой, долго молчалъ, припоминая вѣроятно все подробности этого дѣла.

— Волковъ дразнить, наконецъ проговорилъ онъ, давно ужъ это было... при покойномъ баринѣ еще, и затянувшись раза три дымомъ, продолжалъ, а выучился я этому... отъ самыхъ волковъ, вотъ вѣдь штука... Выжлятникомъ былъ я тогда; разъ лѣтомъ поймали наши ребята волченка, я и взялъ его къ себѣ въ сарай; къ звѣрью я съ измалѣтства большую охоту имѣлъ. Началъ его кормить, поить, къ рукамъ приучать сталъ. Бывало пойдешь галокъ, да воронъ настрѣляешь и кормишь его этимъ; ѣлъ еще какъ; схватить это галку и ну кружиться съ ней; кружится, кружится, а потомъ ляжетъ и съѣсть. Прожора былъ, за четверыхъ собакъ ѣлъ. Привыкъ онъ ко мнѣ не хуже какого щенка... куда я, туда и онъ. Я ужъ думалъ совсѣмъ смирный сдѣлается. Такъ нѣтъ-же, сказано звѣрь звѣрьемъ и останется, подростать сталъ и задичалъ.... къ рукамъ не сталъ идти... такъ зубы и скалить. Курчать, утятъ драть сталъ, гдѣ не увидить си-часъ цапъ и готово.... одни перушки останутся. Чтобы какого грѣха хуже не было, посадилъ я его въ погребъ на цѣпь, думалъ обвыкнется. Нѣтъ, не обвыкся, затосковалъ и началъ выть; бывало, придду, сяду, онъ какъ завоетъ, завоетъ, словно заплачетъ, я вотъ отъ него эту манеру и перенялъ.... да вѣдь какъ потрафилъ; спрячешься, бывало, за дверь, да какъ завоюешь, онъ такъ съ цѣпи и кидается, рвется... все думалъ свои товарищи волчки пришли. Продержалъ я его такъ долго, все думалъ перескучаетъ, а потомъ вижу, нѣтъ, не привыкнуть

ему къ неволѣ, рѣшилъ выпустить. Какъ-то ночью, отвязалъ я его и повелъ въ поле пускать. Такъ вотъ удивительно: бѣжалъ онъ какъ собака на веревочкѣ, ни рвался, ни метался, точно чуюлъ, что на свободу уйдетъ. Привелъ его къ лѣсочку, не далеко отъ дома былъ, снялъ ошейникъ и пустилъ. Страхнулся онъ, почесался, да и былъ таковъ—въ лѣсъ побѣжалъ. Да ужъ оттудова, изъ лѣсу-то, какъ завоетъ, завоетъ, а я ему отвѣтилъ, онъ еще разъ; повыли это мы съ нимъ да съ тѣмъ и распрощались, закончилъ Осипъ, и вытряхнулъ потухшую трубочку. Э! вона и Должикъ видать, замѣтилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, пристально всматриваясь въ темноту.

IV.

На едва видѣвшемся горизонтѣ, не ясно вырисовывалась темная полоса лѣса, къ которому шла наша дорога.

Переѣхавъ маленькій, неглубокій оврагъ, мы подъѣхали къ густому кустарнику и остановили лошадь. Дорога здѣсь расходилась; влѣво шла дорога широкая и хорошо укатанная, а вправо лежала дорожка узенькая, сильно заросшая травой.

— Къ лѣсническому сюда ближе будетъ, проговорилъ Осипъ, поворачивая лошадь вправо, дорога-то здѣсь хуже, зато скорѣе доѣдемъ.

Въѣхавъ въ лѣсъ, гдѣ было еще темнѣе, меня охватило не то страхъ, не то какое-то пріятное даже волненіе, которое обыкновенно испытываетъ человѣкъ, ожидая чего нибудь интереснаго. Съ усиленнымъ біеніемъ сердца, началъ я всматриваться впередъ, желая что нибудь увидѣть; но кромѣ дуги и ушей лошади, которыя мнѣ казались то громадными, то маленькими, я ничего не видѣлъ. Кругомъ была непробудная тишина. Ни летучихъ мышей, ни жужжанья ночнаго жука, ни трескотни сверчка или кузнечика, этихъ постоянныхъ вечернихъ крикуновъ, какъ это бываетъ

въ тихую лѣтнюю ночь, не было слышно. Всѣ попрятались; осень всѣхъ загнала въ свои уголки. Мы ѣхали молча. Осипъ внимательно разсматривалъ дорогу и успокаивалъ горячившуюся лошадь, которая, боясь вѣроятно темныхъ кустарниковъ, постоянно фыркала и бросалась изъ стороны въ сторону; сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ, мы услышали впереди себя звонкій лай сперва одной, а затѣмъ нѣсколькихъ собакъ; съ каждой минутой лай приближался и наконецъ, изъ кустовъ выскочило, прямо подъ ноги лошади, четыре рослыхъ собаки, и съ ожесточеніемъ бросались на насъ; ни подсвистываніе, ни угрозы Осипа не могли успокоить вѣрныхъ псовъ. Конвоируемые собаками, мы выѣхали на широкую поляну, съ правой стороны которой въ темнотѣ вырисовывалось очертаніе небольшой землянки сторожа; Осипъ, подѣхавъ къ дверямъ землянки, остановилъ лошадь и, сойдя съ дрожекъ, началъ сильно стучать въ маленькое оконцо; на дребезжащій звукъ стекла, собаки залаяли еще дружнѣй.

— Павель, а Павель!? закричалъ Осипъ, сильно поколачивая въ стекло. Отвѣта не было.

— Вотъ спитъ, а еще сторожъ, сердито сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и снова началъ звать Павла.

Наконецъ, когда стеклу угрожала опасность разлетѣться въ дребезги, въ землянкѣ послышалось шуршанье, затѣмъ старческой кашель и послѣ цѣлаго ряда увѣреній съ нашей стороны, что мы люди свои, дверь отворилась и на порогѣ ея показался сторожъ Павель.

— Что-жъ ты, Павель, не узналъ насъ?.. Стучали, стучали, замѣтилъ Осипъ болѣе покойнымъ голосомъ, отвязывая отъ дуги поводъ уздечки.

— Рябко, Сѣрко... пошли вонъ... ну васъ, заворчалъ на собакъ соннымъ голосомъ Павель, и когда собаки замолкли и разошлись, онъ, откашлявшись, проговорилъ.

— Здравствуйте... крошечку вздремнулъ и слышу, что стучать, а не разберу, со сна-то, гдѣ... что это вы, Осипъ

Павловичъ, въ такую пору пріѣхали, да еще съ барчукомъ, спросилъ онъ, подходя къ намъ ближе.

— Пріѣхали волковъ подвывать. Завтра охота здѣсь будетъ. Развѣ ты не слыхалъ? проговорилъ отрывисто Осипъ, продолжая возиться около лошади.

Я всталъ съ дрожекъ и, поправивъ ссунувшіяся ботфорты, молча ждалъ Осипа; я зналъ, что Осипъ въ подобныхъ случаяхъ не любилъ лишнихъ разговоровъ.

— А! Такъ, такъ... вчера пастуха видѣлъ, такъ онъ сказывалъ... что охота собирается. Тутъ кажинную ночь на Крутомъ Яру... знаете пониже строеваго... два выводка воютъ... Третьяго дня собаку у меня Бѣлку разорвали... Волки есть, заключилъ Павелъ равнодушнымъ голосомъ.

Привязавъ поводъ къ столбу плетня, Осипъ подошелъ къ Павлу и сказалъ ему:

— Ну, вотъ что, ты поддержи лошадь, а мы пѣшкомъ пойдемъ... да собакъ не пускай за нами.

— Хорошо, пусть стоитъ... идите, отвѣтилъ Павелъ, садясь на дрожки, собакъ я позову; онѣ не пойдутъ.

По фигурѣ Осипа, по его отрывистому голосу и по движеніямъ видно было, что рѣшительная минута настала.

Поправивъ на головѣ шапку, подстегнувъ еще туже поясъ и натянувъ выше сапоги, онъ сказалъ мнѣ торжественнымъ голосомъ.

— Теперь пойдете.

V.

Обогнувъ землянку, мы скоро пошли по узенькой тропинкѣ, извивавшейся то направо, то налево, среди густаго, высокаго кустарника. Сзади насъ раздавался свистъ и хриплый голосъ Павла, звавшего къ себѣ собакъ.

Осипъ шелъ такими размахистыми шагами, что я едва поспѣвалъ за нимъ, спотыкаясь и подбѣгая на каждомъ шагу. Пробираясь среди густыхъ, высокихъ кустовъ, при полной

ночной тишинѣ, всоображеніе мое рисовало какія-то сверхъестественныя картины: то кусты казались не кустами, а чудовищами съ головами и руками; и только тогда они исчезли, когда я случайно задѣвалъ рукавомъ вѣтку куста; кустъ вздрагивалъ, и чудовище разсыпалось; то вдругъ изъ какого-нибудь темнаго мѣста выглядывалъ волкъ, то слышался вой, то стонъ, а легкій трескъ, случайно попавшей подъ ногу палочки, казался громовымъ трескомъ, и я невольно дѣлалъ довольно высокій прыжокъ.

Осипъ шелъ все время молча, часто останавливался и, послушавъ внимательно, шелъ дальше. Мы подошли къ глубокому, большому оврагу и начали въ него спускаться по крутой дорожкѣ.

Здѣсь дорожка, сбѣгая внизъ, сдѣлалась еще уже. Длинные вѣтви кустарниковъ, густо растущихъ по сторонамъ, совершенно закрывали ее собою. То отгибая вѣтви въ сторону, то нагнувшись проходя подъ ними, спустились мы въ небольшой ровъ и пошли по немъ; дойдя до корня свалившагося стараго дуба, мы остановились. Кругомъ было темно, сыро и глухо. Только темный сводъ неба, усеянный горѣвшими звѣздочками, оживлялъ картину.

— Вотъ это и есть Крутой Яръ, сказалъ шопотомъ Осипъ, гущина здѣсь страшная... тутъ должно быть они и есть... Вы сядьте здѣсь, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, указывая на пенъ, а я вотъ си-часъ попробую.

Я повиновался и, дрожа отъ волненія, опустился на пенъ дуба. Осипъ отошелъ отъ меня шага на три и, наклонивъ голову на бокъ, началъ къ чему-то прислушиваться. Я тоже, подражая ему, прислушивался, но ничего рѣшительно не слыхалъ, кромѣ громкихъ ударовъ своего сердца. Но вотъ Осипъ согнулся и, приложивъ руки къ рту, протяжно и жалобно завылъ.

Признаюсь, услыхавъ этотъ странный непонятный мнѣ звукъ, я вздрогнулъ и почувствовалъ, какъ кровь, вспых-

нувь въ головѣ, разлилась огненной ленточкой по всему тѣлу. Мурашки забѣгали по спинѣ, рукамъ и ногамъ.

Въ не человѣческомъ этомъ воѣ слышалось что-то жалобное, горькое и страшное. Я слушалъ и не вѣрилъ, чтобы Осипъ могъ быть чистымъ, протяжнымъ сверхъестественнымъ голосомъ. Я не вытерпѣлъ и подошелъ къ нему ближе. Осипъ взвылъ снова; вой плавно раздался по лѣсу и откликнулся эхомъ въ строевомъ лѣсу, на другой сторонѣ яра. Звукъ замеръ — и опять тишина.

— Осипъ, что же волки не отвѣчаютъ? спросилъ я шопотомъ.

— Молчатъ. Должно напугалъ кто-нибудь или въ другое мѣсто перешли, отвѣтилъ онъ и прислушавшись, быстро приложилъ руки и завылъ.

Я замеръ на мѣстѣ, боясь перевести духъ.

Не успѣлъ звукъ потеряться въ дальней лощинѣ лѣса, какъ въ ближайшихъ кустахъ, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ насъ, раздался громкій, неприятно рѣзкій вой двухъ волковъ; волки взвыли съ какимъ-то плачемъ нѣсколько разъ и смолкли. Услышавъ этотъ страшный вой не въ далекомъ разстояніи, я со страхомъ схватился рукой за плечо Осипа.

— Что, баринъ, волки-то какъ поютъ пѣсни, сказалъ шопотомъ Осипъ, не обращая вниманія съ какимъ волненіемъ держалъ я его руку, слава Богу отозвались, прибавилъ онъ радостно, это два молодыхъ. Волки снова взвыли, Осипъ, не теряя время, отвѣтилъ имъ; въ дальнихъ кустахъ раздался сперва одинъ, за нимъ другой, третій, затѣмъ нѣсколько голосовъ, съ особеннымъ злобнымъ завываніемъ, усиливавшійся съ каждой минутой; точно одинъ голосъ старался заглушить всѣхъ остальныхъ. По лѣсу раздавался такой потрясающій вой, отъ котораго, какъ говорится, волосы на головѣ стали дыбомъ. Въ этомъ общемъ хорѣ волковъ слышалось: то злобное хрипѣнье, то жалкій, отчаянный плачь, а то хищническая злость и досада, то протяжный

звукъ, походившій на глухой свистъ, то вдругъ хриплое ворчанье, смѣнявшееся какъ бы хохотомъ.

Въ вой стаи волковъ, кому приходилось слышать его, ночью среди густаго лѣса, слышится что-то страшное, злобѣщее, что заставляетъ человѣка содрогнуться.

— Штукъ восемь есть, промолвилъ Осипъ, успѣвъ уже пересчитать отдѣльные голоса, и старые съ ними... слышите, какъ завываютъ...

Я слушалъ, но разобрать оттѣнокъ одного голоса отъ другаго не могъ.

— Гдѣ ты слышишь старыхъ? спросилъ я робко.

— А вотъ слышите въ сторонкѣ, потихоньку завываетъ... это старая волчица...

Мало по малу вой стихъ и среди тишины, которая казалась еще глубже, раздалось озлобленное рычанье ссорившихся волковъ.

— Молодые балуютъ, замѣтилъ покойно Осипъ.

Когда все затихло, я робко сказалъ Осипу:

— Что, Осипъ, пойдемъ, больше вѣрно нѣтъ.

— Нѣтъ, постойте, я разъ еще подвою, не откликнутся ли новые, тогда и пойдемъ.

Онъ сложилъ по прежнему руки и по лѣсу пронесся вой, постепенно замиравшій въ дальнихъ оврагахъ.

Минуты двѣ длилось молчаніе; вдругъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ послышался шумъ листьевъ подъ топотомъ бѣжавшаго животнаго и вслѣдъ затѣмъ, чуть не подъ самымъ ухомъ взвыли два волчьихъ голоса.

Рука Осипа крѣпко оперлась на рукоятку кинжала; онъ точно замеръ на мѣстѣ. Я стоялъ въ сильномъ волненіи, ожидая съ каждымъ мгновеніемъ, что волки выскочатъ изъ кустовъ и бросятся на насъ.

Боясь перевести дыханіе, простояли мы до тѣхъ поръ, пока по шелесту листьевъ въ гущинѣ можно было думать, что волки убѣжали отъ насъ.

— Теперь пойдете, ишь какъ близко подскочили, должно молодые, неопытные, сказалъ Осипъ, и не дожидаясь отвѣта, зашагалъ назадъ по дорожкѣ.

По чувству самосохраненія, я шель такими торопливыми шагами, что Осипъ, немного усмѣхнувшись, замѣтилъ: „по легоньку, баринъ, а то вы меня старика заморите, ишь какъ бѣжите“. Изъ каждаго темнаго куста мнѣ такъ и чудилось, вотъ, вотъ выскочить волкъ, схватить меня и потащить въ лѣсъ.

Выбравшись изъ оврага, я нѣсколько успокоился и пошелъ тише. Волки снова взвыли дружнымъ хоромъ; музыка эта далеко пронеслась въ лѣсной тишинѣ.

— Ишь, какъ разохотились, теперь будутъ цѣлехонькую ночь орать, сказалъ весело Осипъ; онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа въ виду предстоящей удачной охоты, въ чемъ ни мало не сомнѣвался, зная навѣрное, что волки за ночь не уйдутъ съ того мѣста, гдѣ онъ ихъ оставилъ.

— А что, баринъ, послушали волчьяго пѣнія, сказалъ онъ, усмѣхнувшись и набивъ свою трубочку, прибавилъ, небось испугались съ непривычки.

— Нѣтъ, съ тобой не боюсь, отвѣтилъ я, а вотъ одинъ бы пожалуй не пошелъ.

Осипъ на ходу выкресалъ огня, закурилъ трубочку, съ удовольствіемъ затянулся дымомъ и началъ рассказывать разные случаи, бывшіе съ нимъ на охотахъ.

Скоро впереди насъ раздался лай собакъ; обогнувъ ближайшіе кусты, мы подошли къ дрожкамъ, на которыхъ неподвижно сидѣлъ Павелъ и напряженно вытянувъ впередъ руки, держалъ возжи.

— Слава Богу, что вы пришли, берите своего Лысаго, сказалъ онъ обрадованнымъ голосомъ, замучилъ. Ишь какъ мурдуется.

Лошадь при нашемъ приближеніи шарахнулась въ сторону.

— Что такое? спросилъ Осипъ, отвязывая поводъ.

— Да тутъ волки его напугали. Какъ заревутъ и не стоитъ. Лошади вѣдь страсть какъ тревожатся волчьяго вытья, добавилъ онъ, слѣзая съ дрожекъ. Лысый былъ ужасно напуганъ. Навостривъ уши и высоко поднявъ голову, нетерпѣливо билъ передними ногами, боязливо хрипѣлъ, фыркалъ, и нетерпѣливо танцевалъ на мѣстѣ. Подвязавъ поводъ уздечки къ дугѣ и повернувъ дрожки, Осипъ попросилъ Павла подержать Лысаго за поводъ пока мы сядемъ; но это намъ удалось не особенно легко. Лысый то поднимался на дыбы, то рвался впередъ, то пятился назадъ, заворачивая на бокъ дрожки.

Наконецъ, мы сѣли и, еле удерживая разгорячившагося Лысаго, поѣхали мелкой рысью къ темной полосѣ лѣса. Въ лѣсу ничего не было видно. Проѣхавъ благополучно лѣсъ, мы выѣхали на хорошую дорогу; Осипъ пустилъ давно порывавшагося Лысаго ходкою крупною рысью. Гулъ бѣжавшихъ дрожекъ, да удары копытъ лошади ясно раздавались въ тиши. Чудно, привольно было ѣхать!

— Завтра, баринъ, сказалъ Осипъ, плотно усаживаясь на дрожкахъ, я васъ поставлю на такое мѣсто, что непременно волка стрѣлять будете. Смотрите не промахнитесь, прибавилъ онъ, сдерживая Лысаго, который постоянно сбивался вскачь.

Я его поблагодарилъ и началъ восторгаться, только что испытаннымъ удовольствіемъ. Осипъ на всѣ мои вопросы и жаркія восклицанія сперва отвѣчалъ охотно, давалъ объясненія, потомъ, какъ-бы утомившись, лѣнливо говорилъ да, нѣтъ, а затѣмъ совершенно смолкъ. Пыхтя своей трубочкой, изъ которой вылетали по временамъ искры, какъ изъ локомотива, онъ до самаго дома хранилъ молчаніе, которое нарушалъ только покашливаніемъ, да мурлыканьемъ своей любимой пѣсенки. Это означало, что онъ о чемъ нибудь думаетъ, что нибудь соображаетъ. Думалъ онъ, вѣроятно, о томъ: какъ завтра завести гончихъ, куда послать выжлятниковъ, куда ѣхать самому, гдѣ указать мѣсто барину и другія мелкія подробности охоты.

Не желая прерывать его мысли, я замолчалъ и, любуясь миллиономъ яркихъ звѣздочекъ, мечталъ о завтрашней охотѣ, и тѣмъ болѣе я вдумывался, тѣмъ съ большею ясностью воображеніе рисовало мнѣ, со всевозможными подробностями, тотъ оврагъ, тѣ кусты, въ которыхъ мнѣ придется завтра стрѣлять волка; въ томъ что я буду стрѣлять волка, я ни мало не сомнѣвался, такъ какъ мнѣ обѣщаль это Осипъ, а этого было довольно...

Н. Кувшинниковъ.

СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ.

I.

Въ саду и огородѣ.

ОТЪ пришелъ май, теплый, радостный. Полопались почки на деревьяхъ, выглянули на свѣтъ молодые, липкіе листики. Запахъ какой отъ нихъ стоитъ въ воздухѣ! Ласковое солнышко ихъ пригрѣваетъ, расправляетъ, нѣжитъ.

Душно стало въ городѣ. Пора на дачу, въ деревню; ну куда бы тамъ ни было, только бы подальше отъ городской пыли, отъ трескотни экипажей, отъ этихъ высокихъ домовъ. На травку хочется, подъ сѣнь деревьевъ, подъ звонкую пѣснь жаворонка, что кружится высоко въ ясномъ небѣ.

Стали и Даниловы на дачу собираться. Сколько у дѣтей хлопотъ! Надобно было спрятать книги и игрушки, которыя оставались въ городѣ, и уложить тѣ, что брались на дачу. Володя хотѣлъ, чтобы сѣрую хромую лошадь взяли, для поправленія ея здоровья, на дачу, Юрій набилъ свой дорожный мѣшечекъ какими-то коробочками и сверточками такъ, что его съ трудомъ закрыла няня. Зина свою любимую куклу взяла съ собой въ вагонъ желѣзной дороги, подносила ее къ окну, чтобы и она могла видѣть мелькавшія мимо поля и рощи. Много было возни съ устройствомъ огромнаго лохматаго Пирата въ клѣткѣ собачьяго вагона. Но что была за радость, когда по прїѣздѣ, Пирата выпустили на волю и онъ увидѣлъ и Володю и Юрія! Онъ чуть не свалилъ ихъ съ ногъ, съ радостнымъ визгомъ бросившись имъ на шею.

Какъ только дѣти, по прїѣздѣ на дачу, раздѣлись и прибрались, такъ и бросились въ садъ. Садъ встрѣтилъ ихъ мягкой зеленью своихъ новыхъ душистыхъ листиковъ и мододой, тонкой травки, нарядной желтизной песчаныхъ дорожекъ и веселымъ блескомъ солнечныхъ лучей, скользившихъ по стволамъ деревьевъ.

— А гдѣ же, мама, ты отведешь намъ мѣста для нашихъ клумбъ и грядокъ? спросила Наташа.

— А вотъ тутъ, на солнышкѣ, поближе къ дому; грядки же для овощей у забора, который ихъ прикроетъ съ сѣверной стороны, съ юга и запада онѣ будутъ открыты, чтобы лучше пригрѣваться солнцемъ. Завтра вставайте-ка пораньше, да и принимайтесь за работу; медлить нечего: пора и сѣять.

— Гдѣ же сѣять? спросилъ Володя, смотря на груды земли, лежащей у забора.

— А вотъ здѣсь, вы выравните грядки, такъ и приметесь сѣять. Теперъ пойдѣте на балконъ чай пить, ложитесь пораньше, да выньте изъ ящика садовые инструменты.

Тетя Маша уже хлопотала за самоваромъ, а Дуня наливала въ дѣтскія чашки молоко, которое выпито было ско-

рѣе обыкновеннаго. Всѣхъ занимали завтрашнія работы въ саду и приготовленіе къ нимъ. Быстро распаковаль Тимофей одинъ изъ безчисленныхъ ящиковъ, взятыхъ на дачу, и вынулъ оттуда маленькій желѣзный заступъ, который употребляется при твердой почвѣ, для перекапыванія грядокъ, маленькія деревянныя лопатки, изъ легкаго, крѣпкаго дерева, окованныя по обѣимъ сторонамъ желѣзомъ, для обработки рыхлой почвы, деревянныя и желѣзныя грабли, которыми разравнивають взрытую землю, выгребають корни сорныхъ травъ и прикрываютъ сѣмена землею. Затѣмъ появились различной величины ярко-зеленыя лейки, съ ситочками на длинныхъ носикахъ; появились и тачки для привоза земли. Все это было снесено въ особенный уголокъ на балконѣ, куда они должны были каждый вечеръ складываться.

Дѣти поторопились лечь спать, чтобы скорѣе придвинуть къ себѣ завтрашній день; но уснули не скоро, взволнованныя новизной и ожиданіями.

II.

Наташа проснулась на утро раньше другихъ дѣтей, разбудила Зину, и онѣ побѣжали будить мальчиковъ.

Быстро всѣ одѣлись, выпили свое молоко и вмѣстѣ съ отцомъ и матерью отправились къ мѣсту назначенному для дѣтей. Прежде всего занялись огородомъ.

Закипѣла работа подъ руководствомъ отца и матери. Быстро мелькали деревянныя колесики тачекъ съ землею. Землю, слежавшуюся крѣпкими комками, захвативъ лопатой или заступомъ, бросали, и раздробляли. Выбрасывали прочь изъ земли камни, корни сорныхъ травъ. Перекопали и перерыхлили всю землю, свѣжеперекопанная земля скорѣе нагрѣвается и посѣянные въ ней растенія быстрѣе проростають. Вырыли между ровными, выпуклыми грядками бороздки, отдѣлявшія ихъ одна отъ другой на свободное пространство.

Грядки готовы, уравнены. Верхній слой земли хорошо разрыхлень и выровнень, чтобы сѣмена не смылись дождемъ въ ямки, отчего всходы будутъ неровны. Всего лучше высѣвать сѣмена послѣ небольшого дождя. Набѣжавшая тучка оросила ихъ вскопанныя грядки и отъ нихъ пошелъ крѣпкій запахъ свѣжей земли.

Солнце, появившись на ясной лазури неба, озарило веселымъ лучемъ дорожки сада.

— Ну, пойдѣте сѣять! запѣлъ басомъ Юрій, улыбаясь всей своей розовой физиономіей.

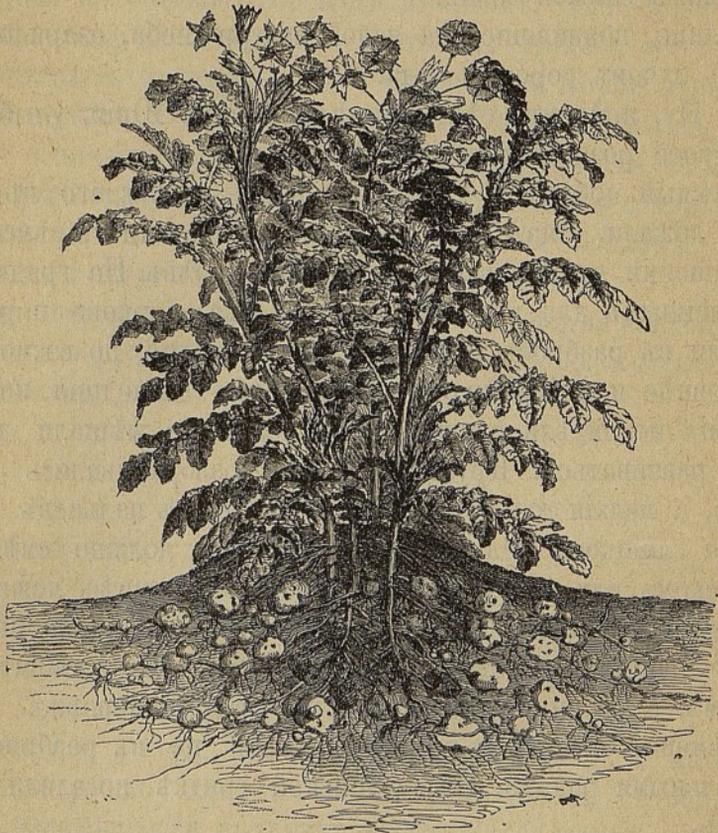
Каждый побѣжалъ къ своей грядкѣ, у каждаго въ сумочкѣ лежали, тщательно завернутые, пакетики съ сѣменами и надписями ихъ названій, и начался посѣвъ. На грядкахъ, назначенныхъ для редиски, салата, лука, моркови и рѣпы, посѣяли въ разбросъ руками, по всей грядкѣ, по возможности ровнѣе и не слишкомъ густо, чтобы вышедшія потомъ растенія не сидѣли слишкомъ тѣсно, и не мѣшали другъ другу развиваться. Крупныя сѣмена разбрасывались всею рукою, а мелкія только щепотками изъ трехъ пальцевъ. Если сѣмена слишкомъ мелки, то ихъ сначала должно смѣшать съ пескомъ или съ сухой землею, чтобы ровнѣе ложились на землю при посѣвѣ. Сѣмена же моркови надобно непременно очистить прежде отъ иглъ или тоже смѣшать съ пескомъ, а то они слипаются и высѣваются неровно.

Сѣмена бобовъ и гороха сажали не въ разбросъ, а продольными рядами. На маленькой грядкѣ посадили картофель.

Когда посѣвъ былъ оконченъ, сѣмена сверху покрыли тонкимъ слоемъ земли, осторожно уравнивъ землю граблями. Грядки полили изъ лейки ситомъ. Тутъ было случилось маленькое несчастіе съ Юріемъ, которому такъ понравилась поливка изъ ярко-зеленой маленькой лейки, что его грядка чуть не расплылась и въ ея грязи сѣмена плавали будто въ болотѣ. Дѣти стали смѣяться. Юрій ударился въ слезы и собрался было въ отчаяніи броситься на землю. Но Зина

поспѣшила утѣшить его, обѣщаясь опять устроить его грядку, и точно устроила, послѣ чего онъ сталъ умѣреннѣе поливать ее.

Вообще поливать надобно осторожно. Отъ частой поливки верхній слой земли твердѣетъ и нѣжнымъ растеніямъ трудно

Картофель.

пробиться сквозь него. Образовавшуюся такую кору до всхода растенія надобно слегка разрыхлить желѣзными граблями, а при засухѣ каждый день поливать новыя грядки, давая пищу запрятымъ въ ней сѣменамъ.

Покончивъ съ огородомъ, перешли къ садику, къ цвѣточнымъ клумбамъ. Если во всякомъ занятіи по садоводству (какъ и во всемъ въ жизни) необходима чистота и аккурат-

ность, то особенно въ цвѣтоводствѣ. Клумбы должны быть равны, съ хорошо разрыхленной землей, съ нѣсколько выпуклой, въ большихъ клумбахъ, поверхностью, обложены кругомъ дерномъ, который надобно подстригать каждые восемь дней.

Тутъ ужъ нельзя сѣять въ разбросъ, какъ салатъ или лукъ: тутъ необходима аккуратность и вкусъ. Маленькія клумбы всего лучше засѣвать одного рода цвѣтами: на одной, на примѣръ, будутъ левкои, на другой—астры, на третьей—флокусы, на четвертой—гвоздики, на пятой—душистый горошекъ...

— Ахъ, мама, я такъ люблю душистый горошекъ! воскликнула Зина: я его непременно себѣ посаю!

— А я люблю зеленый горошекъ: его ѣсть можно, онъ сладкій! подхватила Юрій.

Стали сѣять. На клумбахъ посадили разные цвѣты, располагая въ серединѣ тѣ сѣмена, изъ которыхъ поднимутся болѣе высокія растенія, какъ левкои, астры, колокольчики, петунии; а ближе къ краямъ—тѣ, что пониже: резеда, маргаритки, анютины глазки, лобелии. Не забыли на отдѣльной клумбѣ посаить и макъ.

Посадивъ цвѣточные сѣмена, такъ же какъ и огородныя, стали ихъ поливать и ждать.

III.

Лежатъ сѣмена въ землѣ, какъ въ колыбелькѣ теплой. Грѣетъ ихъ земля, питаетъ. Питаетъ ихъ влага свѣжая; питаетъ ихъ лучъ солнечный, что землю пронизываетъ.

Добѣжалъ солнечный лучъ, посланецъ Божій, до зерна, будить зернышки; „оживи“—шепчетъ лучъ, Господь тебѣ жизнь даетъ. Выбрасывай ростки на воздухъ вольный. Довольно тебѣ, будто кроту, въ потемкахъ сидѣть!

— Вотъ какъ! думаетъ зерно, мало Богу дѣла да заботы; помнить и обо мнѣ, маленькомъ зернышкѣ, въ землѣ

запрятанномъ. Весело зерну! Стало оно полнѣть—наливаться. Тѣсно ему въ узкой кожуркѣ: лопнула тонкая кожица и сѣмя пустило ростки вверхъ и внизъ.

Нижней части, будто такъ и на роду написано было, въ землѣ копать, о свѣтѣ не думать. Глубже, да глубже этотъ ростокъ въ землю забираетъ, полнѣетъ въ ней; маленькіе отпрыски, будто тонкія ниточки, распускаетъ. Крѣпко въ землѣ засѣлъ ростокъ, будто ему и вѣкъ въ ней сидѣть. А называется этотъ нижній ростокъ корнемъ растенія; это его фундаментъ; не красивый, не цвѣтистый, да прочный. А верхній ростокъ или стебель, вмѣстѣ съ створками лопнувшего зерна, вверхъ ползетъ, до свѣта добирается; до тепла солнечнаго, до воздуха вольнаго. И какъ ни лежало зерно, хоть бы его нарочно положили тою частью, гдѣ находится зародышъ стебля внизъ, а гдѣ зародышъ корня—вверхъ при проростаніи, ростки сами собой такъ повернутся, что все же ростокъ корня ползетъ подъ землю, а ростокъ стебля вверхъ начнетъ развиваться.

Дѣти по нѣсколько разъ въ день бѣгали смотрѣть, не показываются ли ростки на грядкахъ и клумбахъ, принимая всякую маленькую тонкую травку за посѣянное растеніе. Когда же показались эти крѣпенькіе росточки, сначала вылѣзшіе изъ земли въ видѣ блѣдноватыхъ петелекъ, потомъ развернувшіе свои первые листики—сѣмядоли, а затѣмъ и настоящіе листья сродные растенію—тогда радость была не малая! Но тутъ-то начался и настоящій за ними уходъ!

Первымъ дѣломъ было позаботиться о томъ, чтобы молодя растенія не сидѣли тѣсно другъ подлѣ друга, для этого лишнія выдернули прочь, что дѣлалось подъ вечеръ, послѣ легкой поливки, изъ влажной земли легче выдергивать растенія. Необходимо было полить грядки и послѣ того, чтобы оставшіяся растенія отъ потрясенія не пострадали и скорѣе укрѣпились въ землѣ. Затѣмъ подошло полоть, т. е. выдергиванье прочь сорныхъ травъ и корешковъ, которые мѣшаютъ растеніямъ и отнимаютъ у нихъ необходимую имъ

влагу и питаніе. Полоть также лучше послѣ поливки или дождя и также осторожно; если обнажились корешки растеній или между ними останутся ямки,—ихъ покрываютъ землею.

Тутъ опять случилось происшествіе съ Юріемъ, вмѣстѣ съ сорными травами онъ вырывалъ и сѣянныя—это скоро замѣтили и исправили.

Что же было особенно важно,—это поливка, въ которой всего больше нуждались огородныя растенія. Но и тутъ поливка должна быть умѣренна,—отъ излишней поливки растенія или пропадаютъ, или болѣютъ и теряютъ вкусъ, или разрастаются только зеленью и приносятъ мало плодовъ. Подумали и о водѣ для поливки; вода должна быть не очень холодна, а по возможности тепла какъ воздухъ; самой лучшей водой считается дождевая, ее накопляли желобами съ крышъ въ кадки.

Поливали вечеромъ, передъ чаемъ, когда солнышко, опустившись низко, лишь слегка золотило стволы деревьевъ.

— А какъ-же, мама, сѣютъ овощи, которые поспѣваютъ рано, когда еще холодно? спросила Зина: вѣдь онѣ бы замерзли на грядкахъ; мы ѣли салатъ еще на Пасхѣ, когда было совсѣмъ холодно?

— Эти овощи воспитываются въ парникахъ, отвѣчала мать,—парники состоятъ изъ большихъ ящиковъ, въ родѣ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ и сначала наполненныхъ свѣжимъ конскимъ навозомъ, содержащемъ въ себѣ много тепла, а потомъ уже землею. Края ямы обкладываются досками, которыя и придають имъ видъ ящика, сверху эти ящики прикрываются рамами съ вставленными въ нихъ стеклами. Разведеніе раннихъ овощей дѣлается зимою или ранней весной, когда воздухъ еще холоденъ. Свѣжій конскій навозъ сохраняетъ въ себѣ теплоту до шести недѣль. Если же бываетъ очень холодно, то навозомъ обкладываютъ бока ящика и снаружи, а рамы, особенно на ночь, закрываются щитами или ставнями изъ тонкихъ досокъ.

Около половины апрѣля, сѣютъ еще сѣмена въ разсадники, въ которыхъ земля смѣшана съ разными удобреніями, какъ: перегнившій навозъ, листовенная и дерновая смѣсь и пр. и отъ легкаго холода покрываютъ ихъ на ночь и даже днемъ хворостомъ или рогожами, а при болѣе сильномъ—щитами. Когда станетъ теплѣй, то растеніе съ этихъ разсадниковъ, или рассаду пересаживаютъ на открытыя гряды, гдѣ они и доспѣваютъ. Кто хочетъ тѣ овощи, которыя у васъ теперь поспѣли, имѣть въ продолженіи всего лѣта, тотъ не ожидая когда поспѣютъ первыя имъ посѣяныя, каждыя двѣ или три недѣли подсеваютъ новыя, тогда—соберутъ однѣ, другіе готовы на смѣну.

У однѣхъ овощей ѣдятъ листья, у другихъ корни, а есть растенія, у которыхъ употребляютъ въ пищу, приправой къ кушаньямъ, и зелень и корни, какъ на примѣръ петрушка. Вообще человекъ воспитываетъ растенія главное для этихъ частей.

Всѣ съѣдобныя растенія, употребляемыя человекомъ, дѣлятся на шесть отдѣловъ. Первый отдѣлъ—воспитываются зерна: къ нему принадлежатъ: пшеница, рожь, ячмень, овесъ, рисъ, гречиха, бобы, укропъ, анисъ и пр. Второй—ради корней: свекла, рѣпа, редисъ, рѣдька, земляная груша, картофель и пр. Третій—ради стеблей: спаржа, порей, чеснокъ, лукъ, и пр. Четвертый—ради листьевъ: капуста, салатъ, шпинатъ, петрушка и пр. Пятый—ради цвѣтовъ: артишокъ, цвѣтная капуста, настурція. Шестой—ради плодовъ: тыква, огурцы, дыня, перецъ и проч.

— Володя, ты опять высоко поднялъ лейку и льешь сильно! говоритъ Наташа, заботливо взглянувъ на работу братьевъ.—Такъ можно размыть землю на корняхъ.

— Готово!—торжественно объявляетъ Юрій, блестя черными глазами, и размахивая лейкой, изъ которой брызгаетъ струйка воды и обливаешь Володю.

Происходитъ небольшая свалка.

— Уймите мальчиковъ, они только мѣшаютъ! кричитъ Зина сидѣвшей на балконѣ тетускѣ. Но мальчики, не дождавшись ея прихода, прекращаютъ свалку и принимаются за дѣло.

— А знаешь, мама, говоритъ Наташа подошедшей матери:— съ тѣхъ поръ какъ я сама садила растеніе и сама ухаживаю за ними, я больше ихъ полюбила, онѣ мнѣ кажутся живыми. Сегодня я подошла къ гвоздикѣ. Ея листики опустились, стебелекъ погнулся, цвѣтокъ точно усталъ, когда я его полила, и онъ выпрямился, точно встряхнулся, то мнѣ хотѣлось его спросить: а что, хорошо тебѣ теперь?— Я и забыла, что она не можетъ мнѣ отвѣтить, но вѣдь цвѣтокъ живетъ, чувствуетъ?

IV.

Вотъ все грядки въ огородѣ покрылись свѣжей зеленью. А зеленый лукъ вытянулъ кверху крѣпкіе шпички своихъ острыхъ перьевъ. Кудластый салатъ закрутилъ свои нѣжные листики. Цѣпкія вѣтки бобовъ и гороха выются вокругъ палочекъ, воткнутыхъ подлѣ каждаго кустика въ землю, еще съ той поры какъ онъ только что поднялся на три вершка. Пышно кудрявятся поверхъ грядъ пучки мутноватыхъ листьевъ рѣпы, широкихъ, темно-зеленыхъ редиски, нарядно-вырѣзныхъ моркови.

Съ іюня мѣсяца стали все овощи поспѣвать. Послѣ лука и салата, всехъ раньше, а именно черезъ пять недѣль послѣ посѣва, поспѣла редиска и выдернутая изъ земли, появилась за завтракомъ на тарелкѣ, кругленькая и длинная, омытая отъ земли, блестящая одна бѣлизной, другая—румянцемъ. Затѣмъ, къ великой радости Юрія, поспѣли и зеленые стручья сахарнаго горошка, съ сладкой тонкой шелухой, приятно хрустѣвшей на зубахъ. Всехъ позже появилась морковь, а за ней и рѣпа, что было тоже

торжествомъ для мальчиковъ, собственноручно вытаскивавшихъ изъ земли длинные, красные корни сладкой моркови и кругловатые корни желтой рѣпы. Зацвѣла картофель своими маленькими, бѣлыми цвѣтами.

А клумбочки, межъ тѣмъ, тоже съ іюня цвѣтутъ и благоухаютъ, кто одаренъ ароматомъ, какъ низенькая, не

Цвѣты дыни.

особенно-то и казистая, а чудесно душистая резеда, разросшаяся по борту или, какъ бархатистый, разноцвѣтный левкой, гордо поднявшійся среди клумбы, да маленькія, будто собирающіяся улетѣть, бабочки,—бѣло-розовые и фіолетово-малиновыя цвѣты душистаго горошка, граціозно обвившіе своими цѣпкими вѣтками, воткнутыя въ

землю, палочки. Беззаботно потряхиваютъ своими красивыми шапочками фиолетовые колокольчики; пунцовый, бѣлый и

Ма к ъ.

пестрый макъ мѣрно покачивается на своемъ гибкомъ стеблѣ, малютки — маргаритки, съ бѣлыми и розовыми

вѣнчиками, нѣжно выглядываютъ изъ букетовъ зелени, въ сосѣдствѣ съ такими-же малютками, ярко-голубыми цвѣточками лобеліи и бархатными, въ различныхъ оттѣнкахъ, тщательно разрисованными — анютиными глазками. Пестрыя астры немного запоздали: яркія петуньи, флокусы и алыя гвоздики щеголяютъ въ своихъ праздничныхъ на-

Гвоздика.

рядахъ. Астры болѣе осенніе цвѣты; онѣ не замедлятъ раскрыть свой пышный многолепестный вѣнчикъ.

Радостно привѣтствовали дѣти каждую ново-раскрывавшуюся почку. Полнѣетъ почка, наливается. Изъ-за зеленыхъ листиковъ цвѣтныя лепестки выглядываютъ; раскрываются и, мало по малу, расправляютъ помятые лепестки вѣнчика.

Растянутся, выпрямятся и свѣжій, будто только что умытое личико ребенка, вѣнчикъ, повернется къ солнышку и

Левкой.

какъ бы улыбнется ему, точно родному. А солнышко обольетъ его живительнымъ лучемъ, будто нѣжной ла-

ской, и скажетъ привѣтливо: здравствуй, малютка, Господь съ тобою!

Рѣзвыя бабочки въ перегонку начнутъ виться надъ свѣжимъ вѣнчикомъ. Пчелка-мохнатка прилетитъ жужжить и впивается въ вѣнчикъ, пьетъ сладкій сокъ, да липкій воскъ собираетъ для будущихъ сотъ. Не безъ пользы зажилъ на Божьемъ свѣтѣ малютка-цвѣтокъ: веселитъ онъ и радуется взоры, питаетъ насѣкомыхъ, и человѣку, заботившемуся о его воспитаніи, пользу приносить: меду сладкаго да воску для него заготовляетъ,—пчелкѣ работу задаетъ.

Уходъ за распустившимися цвѣтами продолжается, высокіе и гибкіе стебли къ палочкамъ подвязываются, срѣзаютъ увядающіе цвѣты и листья, чтобы не отнимали питанія у свѣжихъ. Поливать ихъ во время цвѣтенія меньше и непременно подъ вечеръ. Подсѣвали понемногу новыхъ сѣмянъ; пололи сорную травку, подрѣзали дернъ.

Цвѣтничекъ вышелъ у дѣтей пышный и нарядный. Особенно красиво цвѣли левкой. Мальчики сами подметали дорожки между клумбами, небольшими метлами, устроенными имъ Тимофеемъ, и усыпали дорожки пескомъ, который сами и привозили въ маленькой тачкѣ. Въ эту же тачку складывались потомъ сухія вѣтки и листья и сорныя травы, и отвозились на огородъ, гдѣ сваливались въ одно мѣсто, предназначаясь къ удобренію земли на осень, когда грядки надо будетъ перекопать для будущаго весенняго посѣва.

Поработаютъ дѣти вволю, поработаетъ и солнышко за длинный лѣтній день. Пора всѣмъ на покой.

Уберутъ дѣти всѣ садовые инструменты въ назначенное мѣсто на балконѣ. Побѣгають по саду и разойдутся по своимъ спальнямъ. Солнышко тоже юркнуло на покой, оставивъ золотистый слѣдъ на ясномъ, блѣдномъ небѣ. Замолкли птицы, покопошившись въ своихъ гнѣздахъ. Первая звѣздочка зажглась на небѣ. Стихло все! Заснулъ и садъ. Не дрогнетъ листъ на густыхъ шапкахъ старыхъ деревьевъ; не колыхнется травка на лужайкѣ, вѣнчикъ на цвѣткѣ. Не спитъ

только животворная сила цвѣтка, наливая все пышнѣй новую почку; не спитъ только душа цвѣтка—его аромать и несетя, какъ струйки еиміама, къ престолу Бога—источнику жизни.

С. Лаврентьева.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ 1-го іюня по 1-е сентября, редакція покорнѣйше проситъ вновь поступающихъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращаться съ своими требованіями исключительно въ Петербургъ, въ книжный магазинъ А. И. Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер., а также всѣ требованія и справки, касающіяся полученія журнала, адресовать на вышесказанный магазинъ.

Контора редакціи, какъ для личныхъ объясненій, такъ и по всѣмъ прочимъ дѣламъ редакціи, помѣщается въ Малой Подъяческой, домъ № 4, кварт. № 16.

Въ виду многочисленныхъ жалобъ гг. подписчиковъ на неисправную доставку журнала „ИГРУШЕЧКА“, происшедшую, какъ въ томъ убѣдилась редакція, отъ неудовлетворительности прежняго порядка разсылки журнала, въ настоящее время измѣненнаго, редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ гг. подписчиковъ, не получающихъ своевременно №№ журнала, не отказать вновь сообщить свои адреса, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой конторы, для общей провѣрки адресовъ, во избѣжаніе возможности дальнѣйшей неисправности въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издательница Т. П. Пассекъ.

Редакторъ-издательница Т. ПАССЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 мая 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.